

Между сочувствием и равнодушием - реабилитация жертв советских репрессий

Введение

Репрессивная деятельность советского режима была политически мотивированной, разнонаправленной, массовой и волнообразной.

Политические репрессии начались уже при Ленине и продолжались в послесталинское время, последние политзаключенные были выпущены на свободу в 1991 году уже при Горбачеве.

Родовая черта советского режима, возникшая с самого начала большевистского правления и со смертью Сталина не исчезнувшая, - это государственное насилие как универсальный инструмент решения любых политических и социальных задач. Идея государственного насилия всегда была неременной составляющей советской коммунистической идеологии. В первые десятилетия советской эпохи (до 1953 г.) государственное насилие реализовывалось в форме перманентного и массового политического террора. Ежегодно репрессиям подвергались сотни тысяч человек. Именно террор являлся системообразующим фактором эпохи. Он обеспечивал и возможность централизации управления, и разрыв горизонтальных связей (для предупреждения возможного сопротивления), и высокую вертикальную мобильность, и жесткость насаждения идеологии при легкости ее модификации, и большую армию субъектов рабского труда и многое другое. После смерти Сталина террор стал избирательным, количество арестованных по политическим мотивам составляло несколько тысяч или даже несколько сотен человек в год. Аресты прекратились только к 1987 г., когда Советскому Союзу оставалось жить уже меньше пяти лет.

После Сталина до середины 1960-х новые политические репрессии сопутствовали процессу реабилитации жертв террора 1930-1940-х гг. Затем процесс реабилитации фактически прекратился и возобновился с новой энергией и в новых идеологических рамках только в 1988 г.

Основные черты советского политического террора

1. Фантастические масштабы террора. Его жертвами стали многие миллионы людей (подробней см. ниже)
2. Беспрецедентная длительность террора. Прямыми и косвенными его жертвами, а также свидетелями террора стали четыре или даже пять поколений советских (российских) граждан.
3. Централизованность террора. Террор осуществлялся органами безопасности (ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ), но все основные террористические кампании (включая идеологические кампании позднего времени, когда аресты уже сменились запретами на профессию) были инициированы высшим партийным органом – Политбюро ЦК ВКП(б)-КПСС и проходили под его постоянным контролем.

4. Категориальность террора. Большинство жертв эпохи массового террора (включая тех, кому были предъявлены индивидуальные обвинения) были подвергнуты репрессиям за принадлежность к той или иной социальной, конфессиональной, этнической группе. В смягченных формах это имело место и на более поздних стадиях – государственный антисемитизм, преследования верующих, разгон Клубов самодеятельной песни, подозрения в отношении любых горизонтальных связей.
5. Вопиюще внеправовой (антиправовой) характер массового террора:
- ложные, вымышленные обвинения;
 - жестокое обращение с арестованными, включая изощренные физические пытки, которые применялись с целью добиться признания в якобы совершенных преступлениях;
 - вынесение приговоров подавляющему большинству арестованных не судами, а (антиконституционными) внесудебными органами, часто специально создаваемыми для проведения отдельных террористических кампаний («тройки», «Комиссия НКВД и Прокурора СССР» и др.),
 - заочный характер вынесения приговоров внесудебными органами
 - «упрощенный порядок» рассмотрения дел судебными органами – без вызова свидетелей, без участия адвокатов, в случае осуждения - отсутствие права на подачу прошения о помиловании и т.д.
 - тотальное нарушение всех прав заключенных в лагерях и трудовых поселках, даже и тех, которые были зафиксированы в советском законодательстве
6. Пропагандистское обеспечение государственного террора, его необходимости и моральной оправданности. На протяжении многих десятилетий в сознание населения настойчиво внедрялась мысль о врагах – внешних и внутренних, о героической борьбе с этими врагами, которые ведут партия и органы безопасности, о долге каждого советского человека принять участие в этой борьбе и т.д. На деятельность врагов списывались все неудачи власти и, в первую очередь, низкий уровень жизни населения. Последствия террора и сопровождавшей его пропаганды мы ощущаем и сегодня.

Основные волны советского политического террора

За 70 лет советской власти жертвами политических репрессий стали представители всех социально-политических слоев и групп населения. Репрессиям подвергались не только те, кто находился в открытой политической оппозиции власти, но и те, чья опасность была лишь потенциальной - так называемые "классово-чуждые" и "социально-опасные элементы", в том числе дети и другие члены семей "врагов народа". Среди жертв политических репрессий - цвет нации, ее самые активные, грамотные и талантливые представители.

Сразу после захвата власти большевиками в 1917 году началось преследование представителей всех оппозиционных политических партий и организаций - от монархических до социалистических. В последующие годы были разгромлены, просто закрыты или огосударствлены и все неполитические независимые общественные организации. Это был важный шаг в обеспечении бесконтрольности власти большевиков.

В годы гражданской войны (1917-1922/23), по некоторым оценкам, опирающимся на неполные сведения различным видам репрессий (среди которых и массовые расправы с заложниками) подверглись более 2 миллионов человек¹, в первую очередь представители бывших правящих классов и интеллектуальной элиты страны. Волна массовых репрессий накрыла российское крестьянство, выступившее против политики большевиков в деревне. На подавление сопротивления крестьян были брошены регулярные войска. Террору подверглось казачество. В результате политики "расказачивания" десятки тысяч человек были физически уничтожены, многие эмигрировали.

Массовые репрессии сопровождали проведение коллективизации сельского хозяйства в середине 20-х - начале 30-х годов. По минимальным оценкам «раскулачено» было около 1 млн. крестьянских хозяйств и 6 миллионов крестьян и членов их семей было репрессировано².

С середины 30-х годов широкий размах приобрела практика проведения публичных/открытых политических процессов - "Союз марксистов-ленинцев", "Московская контрреволюционная организация - "группа рабочей оппозиции", "Ленинградская контрреволюционная зиновьевская группа Сафонова, Залуцкого и других", "Московский центр", "Параллельный антисоветский троцкистский центр", "Антисоветский правотроцкистский блок", "Антипартийная контрреволюционная группа правых Слепкова и других ("бухаринская школа")", "Ленинградское дело". Всего по стране карательные органы насчитали более 70 "блоков", "центров", "союзов", "школ" и "групп", участники которых были приговорены к высшей мере наказания или длительным срокам заключения.

Гонениям по политическим мотивам в годы советской власти была подвергнута интеллигенция. Фабриковались сотни тысяч дел по обвинениям представителей науки, культуры, инженерно-технических работников, служащих государственных учреждений.

Широкомасштабным политическим репрессиям были подвергнуты армия и флот. Суровые репрессии обрушились на матросов и солдат кронштадтского гарнизона весной 1921 года. "Чистки" Красной Армии начались сразу после окончания гражданской войны. В конце 20-х - начале 30-х годов в рамках специально разработанной операции "Весна" было репрессировано большое число так называемых военспецов³. В 30-е и в последующие годы десятки тысяч военнослужащих были безосновательно обвинены в шпионаже, диверсионной деятельности, вредительстве. Репрессии привели к ослаблению советских вооруженных сил, поставили в крайне тяжелое положение СССР во Второй мировой войне и стали косвенной причиной больших военных потерь страны. Политические репрессии в армии были продолжены как во время войны, так и после ее окончания.

¹ Точная оценка невозможна из-за обрывочных статистических данных, в частности отсутствия информации о жертвах бессудных казней красного и белого террора. Примерные оценки потерь даны - Вадим В. Эрлихман. Потери народонаселения в XX веке.: Справочник// М.: Издательский дом «Русская панорама», 2004.

Документально подтвержденные цифры, на которые мы опираемся, существенно ниже (см. далее).

² Оценка Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, 2000 г.

³ Военспец – сокращение от «военный специалист». Понятие употреблялось в первые годы Советской власти и означало - «военный специалист старой русской армии, состоящий на службе в Красной армии».

Политическим репрессиям подверглись бывшие советские военнослужащие, попавшие в плен и окружение в боях при защите родины (репатриировано в СССР после окончания войны 1,8 миллиона человек), и гражданские лица, насильственно угнанные на принудительные работы на оккупированные нацистской Германией территории (около 3,5 миллионов из них вернулось в СССР после окончания войны). Многие из этих людей после прохождения проверки в «фильтрационных» лагерях были необоснованно осуждены за государственные, воинские и иные преступления во время войны и направлены в "штрафные батальоны", в ссылку, высылку, на спецпоселение, подвергались иным лишениям и ограничениям прав.

Жертвами тотальных депортаций стали 11 народов бывшего СССР (немцы, поляки, калмыки, карачаевцы, балкарцы, ингуши, чеченцы, крымские татары, корейцы, греки, финны), 48 народов выселены частично. Эти люди в годы Второй мировой войны и первые послевоенные годы были изгнаны из мест традиционного проживания и по решениям высшего партийно-государственного руководства страны депортированы в отдаленные, малонаселенные и малопригодные для проживания районы СССР. Общее число репрессированных по национальному признаку приближается к 3 миллионам человек⁴.

Политическим репрессиям подверглись и иностранные граждане. Были репрессированы многие работники Коминтерна, политэмигранты - немцы, поляки, австрийцы, монголы, американцы, венгры, чехи, словаки и многие другие.

В годы советской власти жертвами политических репрессий становились не только взрослые, но и дети. Только за то, что их родители оказались дворянами, царскими офицерами, "кулаками", "троцкистами", "врагами народа", диссидентами, дети высылались или депортировались вместе с родителями, в случае ареста родителей помещались в специальные детские дома, подвергались иным лишениям и ограничениям прав.

Политическим репрессиям подверглись представители всех религиозных конфессий. Сильный удар был нанесен по русской православной церкви - более 200 тысяч православных священнослужителей стали жертвами репрессивной политики. Суровым репрессиям подвергнуто мусульманство. С конца 30-х годов усилились репрессии по отношению к иудаистам - пострадало большинство раввинов и других служителей синагог Белоруссии, Украины и России. Практикой репрессивной политики было преследование церковнослужителей за религиозные убеждения, но при этом осуждение происходило по сфальсифицированным делам за уголовные преступления (взятки, злоупотребление служебным положением и т.п.) .

В 50-е-80-е годы уголовным преследованиям, ссылке, помещению на принудительное лечение в специальные психиатрические больницы закрытого типа, необоснованному лишению гражданских прав, высылке из СССР, подверглись участники диссидентского движения и инакомыслящие. Репрессии в отношении диссидентов и инакомыслящих продолжались до 1991 г.⁵

⁴ Оценка Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, 2000 г.

⁵ 6 октября 1991 г. был принят Указ Президента России Б.Н.Ельцина о роспуске КПСС и запрещении деятельности ее армейских и производственных организаций, который юридически закрепил демонтаж КПСС, более семидесяти лет единовластно управлявшей страной

В целом данные о "политической преступности" в СССР показывают жесткую зависимость политических репрессий от политической и идеологической конъюнктуры. Антисоветская мотивация, как правило, устанавливалась, исходя из политических соображений и из "революционной целесообразности". Лишь в единичных случаях вменяемая жертве мотивация отражала реальные побуждения человека, совершившего то или иное деяние, расценивавшееся "как контрреволюционное" или "антисоветское". Часть репрессированных граждан не совершала никаких "контрреволюционных" или "антисоветских" действий, а лишь обнаруживала какое-либо несогласие с властью. Основная же масса вообще не проявляла негативного отношения к властям и не совершала никаких наказуемых или подозрительных деяний - этих людей подвергли репрессиям в плановом превентивном порядке.

Масштабы советского политического террора

Многолетняя дискуссия о масштабах террора опирается чаще на интуитивные представления о политическом терроре советской эпохи, чем на первоисточники. В этой дискуссии называются самые разные цифры – от 2-3 миллионов до 40-50 миллионов жертв.

«Мемориал» провел специальную работу по подсчету жертв. В основу подсчетов положены цифры, извлеченные из официальных отчетов карательных ведомств. Анализ изученных документов убеждает, что в целом представленным в этих отчетах цифрам можно доверять.

Исходя из видов репрессий и видов источников, на которые мы опираемся, подсчеты делятся на две части:

- масштабы репрессий «в индивидуальном порядке»
- масштабы административных репрессий

Репрессии «в индивидуальном порядке» практически всегда сопровождалось соблюдением (хотя бы только на бумаге) следственной и (квази)судебной процедуры. На каждого арестованного заводилось отдельное следственное дело. Статистический учет по таким делам велся органами госбезопасности систематически и по единообразной (хоть и время от времени менявшейся) форме.

Репрессии в административном порядке – это репрессии без предъявления индивидуального обвинения, применявшиеся, в большинстве случаев, по формальным групповым признакам (социальным, национальным, конфессиональным и т.д.). Обычная мера наказания – лишение имущества и насильственное переселение «в отдаленные районы» страны, как правило, в специально созданные «трудовые поселки». Статистическая отчетность находится в материалах самых разных государственных ведомств, велась она в связи с отдельными кампаниями и существенно менее полна и точна, чем отчетность по «индивидуальным репрессиям». Персональные дела депортированных заводились не по месту его постоянного жительства, а уже после прибытия человека к месту отбытия наказания, на умерших в пути дела не заводились вовсе.

1. Политические репрессии «в индивидуальном порядке»

Источником для исследования репрессий в «индивидуальном порядке» являются отчеты органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ. Они сохранились в архиве нынешней ФСБ в достаточно полном объеме начиная с 1921 г. Мы имели возможность изучить отчеты за 1921-1953 гг. Для получения данных о репрессиях 1918-1920 гг. и 1954-1958 гг. мы используем цифры из работ В.В.Лунеева⁶, суммарные данные за 1959-1986 гг. получены из сопоставления нескольких источников.

Таблица 1.

Аресты органами ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ в «индивидуальном порядке»

Год	Арестовано	Год	Арестовано	Год	Арестовано
1918	58 762	1934	205 173	1950	59 630
1919	69 239	1935	193 083	1951	47 621
1920	65 751	1936	131 268	1952	17 747
1921	200 271	1937	936 750	1953	12 448
1922	119 329	1938	638 509	1954	1 495
1923	104 520	1939	44 731	1955	1 369
1924	92 849	1940	132 958	1956	1 026
1925	72 654	1941	133 740	1957	3 318
1926	62 817	1942	191 045	1958	2 325
1927	76 983	1943	141 253	1959-1987	12 000
1928	111 879	1944	103 532		
1929	207 212	1945	112 348	Всего	6 975 197
1930	378 539	1943-46 ^{7*}	594 185		
1931	479 065	1946	91 008		
1932	410 433	1947	76 803		
1933	505 256	1949	74 273		

Безусловно, данные эти не вполне полны – так, мы убеждены, что число жертв 1918-1920 гг. было большим, чем это указано в таблице. То же касается и периода 1937-1938 гг., а также 1941 г. Однако реально более точных документально подтвержденных цифр мы представить не можем.

⁶ Виктор В. Лунеев. Политическая преступность //М., Государство и право, 1994. № 7. С. 107—127

⁷ В представленную таблицу включены данные из отчетов органов военной контрразведки «СМЕРШ» («Смерть шпионам») за 1943-1946 гг.

Итого, мы видим, что всего органы госбезопасности за весь период своей деятельности арестовали около 7 миллионов человек.

При этом данные статистической отчетности позволяют нам определить, сколько людей каждый год было арестовано по какому обвинению. Изучая цифры арестованных под этим углом зрения, мы видим, что органы безопасности арестовывали людей не только по политическим обвинениям, но и по обвинениям в контрабанде, спекуляции, хищениях социалистической собственности, служебно-должностных преступлениях, убийствах, фальшивомонетчестве и т.д. Для того, чтобы реально выяснить наличие или отсутствие политического мотива в каждом отдельном случае, надо изучать конкретные дела. Это невозможно практически. Мы вынужденно имеем дело не с конкретными делами, а с цифрами в отчетах.

Анализ отчетов позволяет сделать вывод, что «неполитических» дел в общем массиве – не менее 23-25% из числа арестованных. Таким образом, следует говорить не о 7 миллионах жертв советского политического террора, а примерно о 5,1-5,3 миллиона.

Однако и это неточная цифра – ведь в отчетах отражены не люди с именами, а «статистические единицы». Один и тот же человек мог быть арестован несколько раз. Так, по 4-5 раз арестовывали в первое двадцатилетие советской власти участников дореволюционных политических партий, по несколько раз – представителей духовенства; многих крестьян, впервые арестованных в 1930-1933 вторично арестовали в 1937 г., многих освобожденных после 10-летнего заключения в 1947 г. вскоре арестовывали повторно и т.д. Точных цифр на этот счет статистические отчеты не дают, мы предполагаем, что таких людей было не менее 300-400 тысяч человек. Таким образом, общее количество людей, подвергнутых политическим репрессиям по индивидуальным обвинениям, по-видимому, составляет **4,7-5 миллионов человек**.

Из них, по нашим подсчетам, **1,0 – 1,1 миллиона человек** были расстреляны по приговорам различных внесудебных и судебных органов, остальные были направлены в лагеря и колонии, небольшая часть – в ссылку.

Забегая вперед, взглянем на эту цифру с точки зрения реабилитационного процесса 1950-х – 2000-х гг. Конечно, не все из этих репрессированных по политическим мотивам подлежали реабилитации – среди них были и реальные преступники (например, преступники-нацисты или каратели из числа советских граждан, сотрудничавшие с нацистами), но несомненно, что

а) подавляющее большинство из этих приблизительно 5 миллионов человек были безвинными жертвами режима;

б) каждое из дел на этих людей должно было быть изучено прокуратурой и судами на предмет реабилитации и по каждому должен был быть дан развернутый обоснованный ответ – подлежит этот человек реабилитации или нет.

2. Политические репрессии в «административном порядке»

Административные репрессии осуществлялись по решениям самых разных органов: партийных, советских, государственных. Документы позволяют выделить основные репрессивные кампании (потоки) с примерной (более или менее точной) численностью жертв каждой из них. В отличие от индивидуальных репрессий, мы можем полагать всех жертв этих репрессий (депортаций) жертвами по политическим

мотивам – этот мотив прямо указан почти во всех государственных решениях относительно каждой конкретной кампании.

Наиболее массовые депортации – это высылки крестьян в эпоху «коллективизации» (1930-1933), депортация «социально-опасных» поляков и польских граждан, а также граждан Эстонии, Латвии, Литвы, Молдавии после насильственного включения Восточной Польши, Балтии, Бессарабии в состав СССР (1940-1941), превентивные депортации советских немцев и финнов (1941-1942) после начала советско-германской войны, тотальные депортации (1943-1944) «наказанных народов» Северного Кавказа и Крыма (карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, крымские татары и другие).

В определении количества депортированных «Мемориал» опирается на современные исследования, в части которых мы принимали участие⁸.

Таблица 2.

Численность лиц, подвергшихся административным репрессиям (в основном, в форме депортации)

Депортационная кампания	Год	Количество
Депортация казаков из Притеречья	1920	45 000
Зачистка западных границ: финны и поляки	1930	18 000
Кулацкая ссылка	1930	752 000
Кулацкая ссылка	1931	1 275 000
Кулацкая ссылка	1932	45 000
Кулацкая ссылка	1933	268 000
Кулацкая ссылка	1935	23 000
Кулацкая ссылка	1936	5 300
Зачистка западных границ (поляки, немцы)	1935 — 1936	128 000
Зачистка южных границ: курды	1937	4 000
Зачистка восточных границ: тотальная депортация корейцев и другие	1937	181 000
Зачистка южных границ: евреи и иранцы	1938	6 000
Советизация и зачистка новых западных границ: бывшие польские и другие иностранные граждане	1940	276 000
Советизация и зачистка северо-западных и юго-западных границ: Западная Украина, Западная Белоруссия	1941	51 000
Советизация и зачистка северо-западных и юго-западных границ: Прибалтика	1941	45 000
Советизация и зачистка северо-западных и юго-западных границ: Молдавия	1941	30 000
Превентивные депортации советских немцев и финнов	1941	927 000
Превентивные депортации советских немцев и финнов	1942	9 000
Депортация греков, румын и других из Крыма и с Северного Кавказа	1942	5 000
Депортация карачаевцев	08.1943 — весна 1944	75 000

⁸ См.: Павел М. Полян. Не по своей воле//М., 2001; Сталинские депортации: 1928-1953//Составители Николай Поболь., Павел Полян// М., 2005.

Депортация калмыков	12.1943 — 06.1944	97 000
Депортация чеченцев и ингушей	1944	484 000
Депортация балкарцев	1944	42 000
Депортация оуновцев и членов семей активистов-оуновцев	1944-1947	115 000
Депортация крымских татар из Крыма в Узбекистан	1944	182 000
Депортация народов Крыма (греков, болгар, армян и других) из Крыма в Узбекистан	1944	42 000
«Наказанные конфессии»: депортации «истинно-православных христиан» (июль 1944)	1944	1 000
Тотальные депортации турок-месхетинцев, а также курдов, хемшинов, лазов и других из Южной Грузии (ноябрь 1944)	1944	93 000
Депортация представителей «наказанных народов»	1945	10 000
Депортация «интернированных-мобилизованных» из Восточной Германии, Румынии, Венгрии, Югославии, Болгарии и Чехословакии	1944-1947	277 000
Депортация «кулаков» из Литвы в Красноярский край, Иркутскую область и Бурят-Монголию	1948	49 000
Депортация «тунеядцев-указников»	1948	53 000
Депортация участников сопротивления и членов их семей («бандитов и бандпособников из кулаков») из Латвии	1949	42 000
Депортация участников сопротивления и членов их семей («бандитов и бандпособников из кулаков») из Эстонии	1949	20 000
Депортация участников сопротивления и членов их семей («бандитов и бандпособников из кулаков») из Литвы	1949	32 000
Депортация греческих подданных и бывших греческих подданных, с Черноморского побережья России и Украины, а также из Грузии и Азербайджана	1949	58 000
Депортация «бандитов и бандпособников» из кулаков» из Молдавии	1949	36 000
Депортация кулаков и обвиненных в бандитизме и членов их семей из Пыталовского, Печорского и Качановского районов Псковской области в Хабаровский край	1950	1 400
Депортация бывших басмачей из Таджикистана	1950	3 000
Депортация «андерсовцев» и членов их семей из Литвы	1951	4 500
Депортация «иеговистов» из Молдавии — операция «Север»	1951	3 000
Депортация «кулаков» из Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и Западной Белоруссии	1951	35 000
Депортация «кулаков» из Западной Белоруссии	1952	6 000
	Всего	5 854 200

В приведенном перечне из-за отсутствия точных цифровых данных отсутствуют указания на целый ряд жертв административных репрессий: на раскулаченных без высылки (т.е. лишенных домов и имущества и переселенных внутри своих регионов) во время коллективизации, на бывших советских военнопленных, принудительно направленных после «фильтрации» в «рабочие батальоны» после войны, на целый ряд других, численно менее значительных потоков (высылка кулаков-казаков из Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей за пределы

Туркестанского края, в частности в европейскую часть России в 1921 г., депортация немцев, финнов-ингерманландцев и других «социально-опасных» элементов из пограничных районов Ленинградской области в 1942 г., депортация крымских татар и греков из Краснодарского и Ставропольского краев в 1948 г. и многое другое).

Не учтены здесь и дети, родившиеся в ссылке и остававшиеся вместе с родителями на спецпоселении.

Всего по разным оценкам жертвами депортаций было не менее 6 (скорее всего, 6,3-6,7) миллионов человек.

Всего же по СССР было репрессировано по политическим мотивам примерно 11-11,5 миллионов человек. Применительно к такому количеству людей должен был бы решаться вопрос о реабилитации.

Юридическая реабилитация жертв

Реабилитация жертв политических репрессий началась после смерти Сталина в марте 1953 года и фактически не закончилась до сегодняшнего дня. Мы выделяем три этапа реабилитации.

1. Первый этап реабилитации.

Этот первый этап делится в свою очередь на два: 1953-1961 и 1962-1983. Мы рассматриваем их вместе.

Слово «реабилитация» вошло в общественный лексикон в 1950-е гг., когда почти сразу после смерти Сталина (5 марта 1953 г.) началось сначала выборочное, а затем все более широкое освобождение жертв политических репрессий из тюрем, лагерей и ссылок. Вскоре началась и их юридическая реабилитация – т.е. процесс пересмотра следственных дел, завершавшийся выдачей «реабилитационной справки» - официального документа, удостоверявшего невиновность лица, ранее подвергнутого репрессии.

Реабилитация всегда была обусловлена политическими задачами партийного руководства и всегда проходила под неослабным контролем Политбюро. Первоначально реабилитация охватывала лишь узкий круг родственников и близких знакомых членов Политбюро. Первой возвращенной из ссылки была жена ближайшего сподвижника Сталина В.Молотова - Полина Жемчужина (освобождена сразу после смерти Сталина, юридически реабилитирована в мае 1953, еще до формальной юридической реабилитации решением Президиума ЦК КПСС 21 марта 1953 г. восстановлена в партии). Одним из первых 7 мая 1953 г. также по решению Президиума ЦК был реабилитирован брат другого сталинского сподвижника Л.Кагановича – Михаил Каганович. В том же году был реабилитирован еще целый ряд партийных и государственных деятелей.

Широкая реабилитация началась в 1954 г. В мае 1954 г. были созданы специальные Комиссии (центральная и региональные) для рассмотрения дел на лиц, находившихся на тот момент в заключении. Этим комиссиям было дано право полностью реабилитировать осужденных, применять помилование, переквалифицировать обвинение и т.д. За почти два года работы эти комиссии рассмотрели дела более чем на 337 тысяч человек.

Мощный толчок реабилитации дал доклад Хрущева на XX съезде КПСС в феврале 1956 г., посвященный «культу личности» Сталина. В марте 1956 г. были созданы новые комиссии – на этот раз под эгидой Президиума Верховного Совета СССР. Они за полгода рассмотрели дела еще почти 177 тысяч человек, в т.ч. 81 тысячи человек, находившихся в лагерях. Особенно активно реабилитация проходила в 1956-1960 гг.

Параллельно с работой комиссий, активно процессом реабилитации занимались прокуратура и суды. Прокуроры проводили проверку каждого дела, запрашивали справки из параллельных дел, справки из архивов (в частности, из партийного архива, если речь шла о членах партии), во многих случаях вызывали свидетелей (в том числе и тех, кто когда-то давал показания против репрессированных, бывало, что и бывших следователей) и составляли заключение, на основании которого руководителями прокурорских органов вносился протест по делу в судебный орган, который и отменял приговор (как правило, за отсутствием события или состава преступления) и выносил решение о реабилитации.

Для бывших коммунистов особое значение имела «партийная реабилитация», т.е. восстановление в партии – этой реабилитацией занимались органы Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Она проводилась по заявлениям бывших коммунистов, ранее уже получивших справку о юридической реабилитации. За период 1956-1961 гг. партийную реабилитацию получили около 31 тысячи человек.

К концу 1961 г. энергия реабилитационного процесса выдохлась. Политические задачи реабилитации, которые ставил перед собой Хрущев, в значительной степени были выполнены: стране и миру был продемонстрирован новый курс власти, решительно (по мнению Хрущева) разорвавший со сталинской репрессивной политикой. Символическим заключением этого этапа стал вынос тела Сталина из Мавзолея по решению XXII Съезда КПСС от 30 октября 1961 г.

Основной чертой первого этапа реабилитации является ее половинчатость, избирательность и подчиненность политическим интересам послесталинского руководства. Она и не могла быть иной.

Освобождение безвинно осужденных из лагерей и возвращение доброго имени и репутации им, а также погибшим, по замыслу Хрущева, должно было укрепить авторитет КПСС в глазах населения. Виновными в терроре были объявлены Сталин с 30-х годов насаждавший собственный «культ личности», уничтоживший внутрипартийную демократию (т.н. «ленинские нормы партийной жизни») и единолично управлявший страной, а также органы безопасности, «вышедшие из-под контроля партии». Эпохой репрессий, по версии Хрущева, были сравнительно небольшие отрезки - вторая половина 30-х гг. и – в меньшей степени - несколько послевоенных лет.

Эта конструкция позволяла вывести из-под критики партию в целом. Более того, именно партия была объявлена основной жертвой террора – хотя это совершенно не согласуется с реальностью.

Кроме того, борьба с «культом личности» позволила Хрущеву укрепить свои позиции в Политбюро, используя факт активного участия в терроре Молотова и Кагановича для их отстранения от власти. Это было также важным обоснованием для понижения статуса органов госбезопасности (с 1954 г. – не самостоятельное

министерство, а комитет при Совете Министров) и усиления партийного контроля над ними. Но эта же конструкция предопределила и ущербность реабилитационного процесса.

Реабилитация (восстановление репутации, восстановление во всех правах) коснулась только осужденных по индивидуальным обвинениям. Но далеко не всех:

- Реабилитация была ограничена хронологически периодом 30-х (фактически – с середины десятилетия) – начала 50-х гг., поскольку целью реабилитации было провозглашено «возвращение к ленинским нормам» и заведомо предполагалось, что до укрепления «культы личности» никаких политических репрессий не было.
- По той же причине реабилитация была ограничена категориально - из нее были исключены значительные категории жертв, по-прежнему считавшиеся «врагами»: не только члены «буржуазных» партий, но и социалисты (социал-демократы, эсеры), большая часть внутривнутрипартийных оппозиционеров, в значительной мере духовенство, крестьяне, сопротивлявшиеся коллективизации, и многие другие.
- Реабилитация в этот первый период велась исключительно «в заявительном порядке», т.е. по заявлениям жертв или их родственников. Впрочем, часты были случаи, когда по заявлению одной из жертв или одного из родственников и если дело было не индивидуальным, а групповым, то реабилитировались («заодно») все жертвы этого группового дела.
- Для депортированных, отбывавших наказание в специальных поселках (более 2,5 миллионов человек на 1953 год), реабилитация свелась к их освобождению - иногда с правом возвращения на прежние места жительства, иногда и без этого права. В указах об их освобождении никогда не признавалась вина государства – например, для «репрессированных народов» репрессия обосновывалась «условиями военного времени». Фактически «репрессированные народы» были не реабилитированы, а помилованы. Если осужденным по индивидуальным обвинениям хотя бы частично компенсировалось изъятое имущество, то для депортированных, которые потеряли дома и все имущество, вопрос о компенсациях не ставился вовсе.

Ярким примером ущербности и половинчатости процесса реабилитации является следующий факт.

Начиная с 1939 г., после окончания двух лет массовых казней, родственникам расстрелянных внесудебными (иногда и судебными) органами сообщалось, что их родные осуждены на 10 лет лагерей без права переписки. Через 10 лет, в конце 40-х, после того, как родные не вернулись из лагерей, последовали новые запросы – и тогда было решено отвечать, что расстрелянные умерли от болезни в лагерях. При этом родственникам сообщалась (устно) ложная дата смерти. Еще почти через 10 лет в середине 50-х в начале реабилитационного процесса последовала новая волна запросов. В 1955 г. в ответ на нее было издано специальное указание КГБ (конечно же, согласованное в ЦК КПСС) о том, что родственникам может быть выдана официальная справка о смерти заключенного в лагере с ложной датой и ложной причиной смерти – той самой, которую ранее родственникам сообщали только устно.

С 1955 по 1962 гг. было выдано **253 598 таких ложных справок**. И только с 1963 г. было разрешено выдавать справки с подлинными датами, но без указания в графе «причина смерти» слова «расстрел» - вместо этого ставился прочерк. Справки с указанием подлинной даты и подлинной причины смерти стали выдавать только с 1989 г. Причиной решения 1955 г. являлось мнение КГБ, что сообщение о расстреле «может быть использовано во вред советскому государству».

Это весьма символично для всего процесса хрущевской реабилитации – решив сказать правду, одновременно постоянно эту правду дозировать, параллельно сообщая и ложь, а на многие аспекты репрессий и вовсе закрывать глаза.

Боязнь подвергнуть риску основы власти, боязнь возникновения у населения в результате реабилитации сомнений в непогрешимости партии и советского государства определила весь характер и направленность реабилитации. Отсюда намеренная суженность реабилитации - хронологическая и категориальная. Отсюда же отказ от пересмотров самых известных публичных процессов, на которых десятилетиями воспитывалась ненависть к врагам Советского Союза - от «Процесса эсеров» 1922 г. и «Шахтинского дела» 1928 г. до «Больших московских процессов» 1936-1938 гг. над Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и др. Эти образцовые дела «врагов» вошли уже не только в сознание, но и в подсознание населения, пересмотр их казался слишком рискованным. Вопрос о пересмотре коллективизации или красного террора вообще не ставился. В целом сталинская историческая концепция развития советского общества, закрепленная в его «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938 г.) осталась непересмотренной. Аргументы к тому, чтобы в процессе реабилитации «не рисковать» были не только внутривнутриполитические.

Характерна реакция Хрущева после XXII съезда на предложение опубликовать собранные материалы по убийству Кирова: «Если мы все опубликуем, то подорвем доверие к себе, к партии в мировом коммунистическом движении. И так после XX съезда были большие колебания. И поэтому мы пока публиковать не будем, а лет через 15 вернемся к этому» (из воспоминаний О.Шатуновской – коммунистки, репрессированной при Сталине, освобожденной при Хрущеве и сотрудничавшей в одной из реабилитационных комиссий⁹).

Главный итог реабилитации хрущевской эпохи – освобождение заключенных и пробуждение общественного сознания, имевшее множество последствий. Вряд ли можно считать, что реабилитация обеспечила новую легитимность режиму, как на то надеялся Хрущев, слишком очевидна была ее половинчатость.

В 1964 г. произошло отстранение Хрущева от власти. В последующие 20 лет реабилитация не имела уже того пафоса и масштаба, который был ей присущ при Хрущеве. Она не прекратилась вовсе, продолжалась «в заявительном порядке», но политическое значение ее было полностью утрачено. Постепенно и осторожно меняются оценки Сталина. Двоякость оценки Сталина была присуща еще и Хрущеву (с одной стороны, Сталин – революционер, руководитель государства, хотя и совершавший ошибки, с другой – Сталин - творец репрессий), при Брежневле же постепенно перестают говорить об «ошибках» Сталина (репрессии), и все чаще говорят о Сталине - главнокомандующем в годы войны, о Сталине - «творце Великой Победы».

Тема репрессий отходит на задний план и из официального контекста исключается, оставаясь темой острой общественной полемики (отчасти легальной, отчасти неподцензурной) между «сталинистами» и «антисталинистами». Эта тема становится одной из главных тем Самиздата, она становится важнейшим (фундаментальным) мотивом возникновения правозащитного движения в СССР.

⁹ Григорий Померанц. Следствие ведет каторжанка//М., Пик. 2004, С.151.

Относительно цифровых итогов реабилитации в этот период мы располагаем несколькими не очень состыковывающимися цифрами.

3 июня 1988 председатель КГБ В.Чебриков в Записке в ЦК КПСС сообщает, что «до 1962 года из числа репрессированных граждан было реабилитировано 1 197 847 человек. В 1962-1983 годах 157 055 человек¹⁰». В Записке в ЦК КПСС А.Яковлева и др. от 25 декабря 1988, основанной, по-видимому, на данных, полученных из того же КГБ СССР, указано, что к настоящему моменту «реабilitировано 1 354 902 человек, в том числе по делам несудебных органов 1 182 825 человек¹¹». Получается, что во второй половине 1988 г. было реабилитировано более 150 тысяч человек. Однако по другим источникам за этот период было реабилитировано не более 20 тысяч человек¹². Но главные наши вопросы вызывают не цифры 1988 года, а в более ранние. По многим данным, число реабилитированных в эпоху Хрущева никак не превышает 800 тысяч человек. К сожалению, никакими иными точными данными мы на этот счет не располагаем и хотя и считаем данные Чебрикова-Яковлева завышенными, вынуждены пользоваться ими. Но даже если реабилитировано в Хрущевскую эпоху было около 800 тысяч человек, все равно эти итоги чрезвычайно значительны.

2. Второй этап реабилитации. 1988-1991

Эпоха гласности немедленно возродила в публичном пространстве массовые дискуссии вокруг темы сталинизма и репрессий. Газеты 1987-89 гг. переполнены публицистическими и мемуарными статьями о терроре. В 1987 году возникает неформальная группа молодых активистов, взявшая себе название «Мемориал» и собирающая подписи под письмом к Горбачеву о создании мемориального комплекса памяти жертв репрессий. Вскоре такие же группы создаются во множестве регионов, возникает общесоюзное движение, а в конце 1988-начале 1989 гг. – общественная организация «Мемориал». В ее создании принимают участие и бывшие политзаключенные сталинского времени, и правозащитники брежневской эпохи, часть из которых также прошла лагеря. Чуть позже начинают возникать различные ассоциации, объединения и союзы бывших жертв.

Призывы возобновить процесс реабилитации, восстановить справедливость по отношению к живым, увековечить память погибших услышаны властью, и она начинает энергично действовать, пытаясь все время сохранить инициативу в своих руках.

28 сентября 1987 г. Политбюро создает специальную Комиссию «по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов». Комиссия подтверждает общую и партийную реабилитацию по целому ряду дел, готовит Постановление Политбюро «О сооружении памятника жертвам репрессий», готовит проект Постановления Политбюро «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией лиц, необоснованно репрессированных в 30-40-е годы и в начале 50-х годов». Постановление принимается 11.07.1988. Постановление предписывает производить реабилитацию

¹⁰ Реабилитация: как это было. Документы Политбюро ЦК КПСС, стенограммы заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х гг., и другие материалы//М., МФД, 2004, Т.3, с. 77.

¹¹ Реабилитация: как это было...Т.3, с. 142.

¹² Реабилитация: как это было.. Т.3, с. 197-198.

независимо от наличия заявлений и жалоб граждан – и в этом его, безусловно, сильная сторона и новизна. С другой стороны, видно, что с точки зрения хронологии Политбюро все еще остается в хрущевских рамках – с середины 1930-х до смерти Сталина. В связи с этим со стороны общества непрерывно идет критики власти. «Мемориал» напоминает, что репрессии были и до убийства Кирова (декабрь 1934 г.), и не закончились со смертью Сталина. Осенью 1988 г. Комиссию возглавил ближайший сподвижник Горбачева А.Н. Яковлев, работа ее становится еще более интенсивной. Комиссия рассматривает множество громких дел и публикует результаты этой своей работы.

16 января 1989 г. издается подготовленный Комиссией и утвержденный Политбюро Указ Президиума Верховного Совета СССР. Указ предписывал отменить все решения, вынесенные внесудебными органами (тройками, особыми совещаниями и др.) и признать всех граждан, осужденных этими органами, реабилитированными. Впрочем, тут же устанавливались и исключения: не подлежали реабилитации изменники родины, каратели времен Великой Отечественной войны, «участники националистических бандформирований и их пособники», фальсификаторы следственных дел и др. Указ обратил внимание и на социальную поддержку жертв репрессий, и – впервые! - на проблему увековечения памяти жертв, предписывая местным советам вместе с общественными организациями оказывать помощь в создании памятников жертвам а также в содержании в надлежащем порядке мест их захоронения».

Указ стал мощнейшим толчком в реабилитационном процессе. Меньше чем за год, к началу 1990 г., реабилитировано 838 630 человек, отказано в реабилитации было 21 333 человека¹³. Ведущая роль в реабилитации принадлежала прокурорам, которые сами, рассмотрев дела, и принимали (в основном, при участии сотрудников КГБ или МВД – хранителей архивных дел) решения о реабилитации. Судебными органами по протестам прокуроров было реабилитировано из общего количества менее 30 тысяч человек.

После Указа местные власти уже не могли отмахиваться от усилий и предложений общественности по увековечению памяти жертв. В 1989-1990 гг. при помощи КГБ или общественными усилиями было обнаружено множество мест массовых захоронений расстрелянных (информация о них в течение всех лет советской власти тщательно скрывалась), во многих городах (или на местах захоронений в ближних пригородах) были поставлены памятные знаки (закладные камни или кресты), воспринимавшиеся тогда как временные, но так и оставшиеся постоянными.

Указ, породивший много надежд и во многом их оправдавший, наряду с общественной поддержкой вызвал и много критики. Бывшие жертвы были недовольны тем, что Указ не исполняется (или плохо исполняется) в части их (жертв) социальной поддержки – они ожидали от власти увеличения пенсионного обеспечения, возвращения утраченного вследствие репрессий жилья, и т.д. Российская общественность акцентировала критику на хронологической узости реабилитации по этому Указу. На Украине и в Прибалтике многие были недовольны исключением из процесса реабилитации деятелей национального сопротивления, в полном соответствии с советской традицией именовавшимися в Указе «участниками националистических бандформирований». Между тем, сегодня, когда нам стали известны многие партийные внутренние документы, понимаешь, что вряд ли Горбачев мог в тогдашних реальных условиях сделать больше, чем он сделал.

¹³

Реабилитация: как это было...Т.3, с. 345.

Следующий его шаг на пути реабилитации знаменовал определенную и значительную эволюцию в осмыслении прошлого. Указ Горбачева (формально Указ Президента СССР) от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-х-50-х годов» носит скорее декларативный, чем практический характер. В докладе осуждаются «массовые репрессии, произвол и беззаконие, которые совершались сталинским руководством от имени революции, партии, народа», граница репрессий отнесена к середине 1920-х годов, т.е. сдвинута на 10 лет назад в сравнении со всеми более ранними актами, говорится о непоследовательности реабилитационного процесса, остановившегося в середине 1960-х гг. Впервые в государственных актах такого уровня мы видим апелляцию не только к справедливости, но и к праву. Репрессии названы «несовместимыми с нормами цивилизации» и Конституцией. Горбачев говорит о лишении советского народа свобод, «которые в демократическом обществе считаются естественными и неотъемлемыми», о том, что не только во внесудебных органах, но и в судах попирались элементарные нормы судопроизводства». Объектами реабилитации, по мысли Указа, должны были стать депортированные во время коллективизации крестьяне, а также духовенство и «граждане, преследовавшиеся по религиозным мотивам». Указ признает репрессии 20-50-х гг. «по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам» «незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека» и предлагает полностью восстановить права жертв этих репрессий». В целом, Указ являлся, безусловно, новым словом в осмыслении репрессий на высшем государственном уровне. К сожалению, практическая сторона Указа (порядок исполнения) не была проработана и, по-настоящему, он не исполнялся.

Вообще, судя по всему, реальная реабилитация уже в 1990 г. шла явно более медленными темпами, чем в предыдущем 1989 г. По-видимому, сказывался общий разлад государственного механизма. Точными данными о числе реабилитированных в 1990-1991 гг. мы не располагаем. Комиссия Политбюро по реабилитации прекратила свое существование летом 1990 г., объявив, что ее задачи выполнены. По утверждению А.Н.Яковлева, непересмотренных дел в архивах органов КГБ на начало 1990 г. оставалось 752 тысячи. Как показало будущее, это цифра была явно занижена.

В целом эпоха Горбачева была важнейшим прорывом в деле осмысления прошлого и, в том числе – в деле реабилитации. С одной стороны реабилитация по-прежнему была суженной – и хронологически, и категориально. Но границы по обоим направлениям все время расширялись. Реабилитационный процесс был достаточно эффективен - в 1988-1991 гг. было реабилитировано около 1,5 миллионов человек. Помимо важнейших актов, упомянутых нами, на общесоюзном уровне было выпущено еще немало других, оценивающих репрессии (в частности, репрессии в отношении «наказанных народов»). Тема репрессий вернулась в центр общественного внимания. Плохо или хорошо, но власть в деле реабилитации и увековечения памяти жертв взаимодействовала с обществом. Для нашей темы важно, что на основании именно горбачевских реабилитационных актов и практик, до некоторой степени - в полемике с ними вырабатывались основные принципы российского Закона о реабилитации, на основании которого производилась реабилитация в России во все последующие годы.

3. Третий этап реабилитации. 1992 г. - настоящее время. Закон РФ о реабилитации.

Российский Закон о реабилитации жертв политических репрессий начал готовиться с весны 1990 г. сразу после первых свободных выборов в Верховный совет

РСФСР. Закон готовился в Комитете по правам человека, председателем которого являлся Сергей Ковалев, правозащитник, политзаключенный 1970-х гг. Основным автором (руководителем рабочей группы) был депутат Анатолий Кононов, впоследствии судья Конституционного суда РФ. В рабочую группу, кроме депутатов и профессиональных юристов, входили представители «Мемориала» Арсений Рогинский и Олег Орлов.

Уже на ранних стадиях подготовки Закон встретил много трудностей. Основных трудностей было три.

Во-первых, сопротивление многих депутатов встретила политическая преамбула Закона, в которой утверждалось, что реабилитации подлежат все жертвы, начиная с первого дня советской власти (7 ноября 1917 г) по время вступления Закона в силу. Напомним, что в 1990 г. СССР еще существовал и такое упоминание даты основания страны было воспринято как покушение на легитимность советской власти. Характерно, что писавшийся (кем?) в то же самое время проект общесоюзного Закона о реабилитации предполагал хронологические рамки с 1920 по 1959 г.

Другая претензия носила квазиюридический характер – КГБ СССР прислал отрицательный отзыв на проект закона, заявив, что республиканский (российский) парламент не вправе реабилитировать осужденных общесоюзными органами – а таких среди репрессированных была значительная часть. Кроме того, КГБ цинично заявил, что должны быть сужены хронологические рамки реабилитации, ибо, по его мнению, в 1960-1980-е гг. нарушений и фальсификаций при арестах и расследованиях уже не было.

Еще одна претензия – Закон предполагал индивидуальную реабилитацию, а среди депутатов было немало представителей «наказанных народов», и они требовали включения в Закон соответствующих пунктов, касающихся территориальной, культурной, политической реабилитации целых народов. Но было совершенно очевидно, что реабилитация народов должна была быть предметом специального закона. Включение в этот закон пунктов о «наказанных народах» превращало бы закон в декларацию и решительно меняло бы общую концепцию.

В результате этих и других претензий Закон, когда он был вынесен на обсуждение Верховного совета 30 октября 1990 г., был с обсуждения снят и отправлен «на доработку». С небольшими изменениями Закон был принят только через год, 18 октября 1991 г., в атмосфере послепутчевого испуга коммунистической части депутатов и ожидания неминуемого развала СССР.

Закон сохранил преамбулу с первоначальными хронологическими рамками, а также с осуждением террора как несовместимого с идеей права и справедливости. Целью закона объявлялось не только восстановление репрессированных в гражданских правах, но и «посильная на тот момент компенсация морального и материального ущерба».

В Законе впервые в российском законодательстве дается определение политических репрессий, вводится понятие «политического мотива» государства. Четко описывается круг реабилитируемых лиц. И здесь впервые перечислены жертвы административных репрессий: лица, подвергнутые в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение и т.д. Это и депортированные крестьяне, и «наказанные народы» и многие другие. Среди реабилитируемых названы и помещенные по политическим мотивам в специальные или общие психиатрические больницы. Закон

предусматривает автоматическую, т.е. без рассмотрения дела, реабилитацию людей, осужденных за реализацию права на свободу совести и мнений.

Закон содержит и исключения. На первый взгляд, можно было обойтись и без исключений, сильно тормозящих реабилитационный процесс. Тем более, что большинство людей по политическим мотивам было осуждено внесудебными органами заочно. Казалось бы, самый легкий и правильный путь – отменить механически все без исключения решения этих противоправных органов. Но сделать это невозможно. Ведь эти же самые органы осуждали и безусловных преступников – военных преступников и карателей, например. Отмени Закон все внесудебные приговоры, и эти каратели будут автоматически реабилитированы. Конечно, эти люди составляют очень небольшой процент в общей массе реабилитированных, но все-таки они будут реабилитированы, и эта ситуация не может быть принята массовым российским сознанием.

В результате был составлен перечень исключений, примерно тот же, что и в общесоюзных нормативных актах, но значительно более короткий и конкретный. В основу перечня исключений был положен признак совершения человеком насильственных действий, то есть преступлений, наказуемых в любой стране.

Закон подробно расписывает порядок реабилитации. С заявлением о реабилитации может обратиться не только жертва или ее родственник, но и любое заинтересованное лицо или общественная организация. Дела осужденных в индивидуальном порядке (хранящиеся в основном в архивах органов государственной безопасности) рассматривают прокуроры, сами и выносящие решения о реабилитации или об отказе в ней. Пересматриваются сплошь все дела, независимо от заявлений.

Дела об административных репрессиях, преимущественно хранящиеся в архивах МВД, рассматриваются сотрудниками МВД. Здесь Закон сплошной пересмотр дел не предусмотрел, реабилитация осуществляется по заявлениям. Это, конечно, существенный недостаток Закона.

Закон подробно расписывает последствия реабилитации – компенсации, льготы реабилитированным, вопросы возвращения имущества.

Сразу же после принятия Закона началась борьба за его совершенствование. Первоначально в центре ее находилась проблема расширения круга реабилитируемых Законом лиц. На этом расширении настаивали больше всего объединения жертв, а также общество «Мемориал».

В результате многолетних усилий удалось добиться того, чтобы *жертвами* репрессий были признаны дети, находившиеся вместе с родителями в лагерях, ссылках, трудпоселках (ранее их признавали только *пострадавшими*), а затем и дети, оставшиеся вследствие репрессий в несовершеннолетнем возрасте без попечения одного или двух родителей. Результатом принятия этих поправок (и та, и другая были внесены в Закон благодаря решениям Конституционного суда, принятым в 1995 г. и в 2000 г.) явился тот странный, на первый взгляд, факт, что число реабилитированных жертв репрессий, проживающих в России, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. резко возросло.

К сожалению, никаких других существенных изменений в Закон внести не удалось.

Социальное положение жертв

Уже в советское время были предприняты некоторые меры не только по политической, но и по социальной реабилитации жертв. Однако особенностью социальной реабилитации по сравнению с правовой была ее крайняя ограниченность.

Реабилитированным была положена денежная компенсация в размере двухмесячной зарплаты, исчисляемая из оклада на момент ареста, они могли стать вне очереди на получение жилья, неработоспособные имели право получения пенсии с зачетом в трудовой стаж срока заключения¹⁴.

Однако, многие рядовые люди - без связей и знакомств - часто даже не знали об этих возможностях. Бывших "врагов народа", как и членов их семей, продолжали третировать даже тогда, когда официально это не поощрялось. В частности разрешение на возвращение в места прежнего проживания получили далеко не все реабилитированные, при возвращении не предполагалось никакой реституции. Люди не получили назад - ни отнятого жилья, ни конфискованного имущества. Единственное, что получали некоторые из вернувшихся - это возможность льготной постановки на жилищный учет и получение в ускоренном порядке существенно худшего и меньшего жилья.

В случае депортированных в административном порядке социальная реабилитация принципиально отличалась для разных категорий депортированных. Одним разрешили вернуться в места прежнего проживания и это максимум того на что, они могли рассчитывать, другим (раскулаченным или крымским татарам, например) неофициально препятствовали даже в возвращении.

Фактически в советское время в социальном смысле реабилитированные жертвы разделились на три группы:

- 1) депортированные в административном порядке, которые были фактически не реабилитированы, а помилованы;
- 2) основная масса осужденных в судебном или квазисудебном порядке и в последствии реабилитированных, получивших мизерные денежные компенсации и крайне ограниченные возможности социальной адаптации в новой жизни
- 3) сравнительно небольшая группа бывших партийно-государственных деятелей и их родственников, которые получили не только юридическую, но и партийную реабилитацию, что означало в частности возвращение не только лучшего по сравнению с другими жилья, дач и иных привилегий, но и возможности вернуться к прежней работе.

В целом, вращение бывших жертв в новую жизнь было очень трудным и мучительным. С лагерным прошлым трудно было рассчитывать на приличную работу и жилье. Атмосфера вокруг этих людей зачастую оставалась настороженной и враждебной. Клеймо "врага народа" продолжало преследовать и самих бывших заключенных и их семьи. Жизнь их осталась неустроенной и неблагополучной, в большинстве своем они не сделали карьеры, не восстановили утраченные семейные и родственные связи. Многие, проведя в заключении годы лучшие годы жизни, вообще не создали семьи, не имели детей и поддержки, испытывали крайнюю нужду.

¹⁴ Постановление Совета Министров СССР № 1655 от 08.09.1955 "О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных"// Сб. законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., издательство "Республика", 1993.

Только Закон о реабилитации от 18.10.1991 г. установил систему компенсационных выплат и льгот для этих людей, а именно:

1. Единовременные денежные компенсации за время лишения свободы или пребывания на принудительном психиатрическом лечении.
2. Возмещение ущерба, причиненного незаконным изъятием имущества.
3. Выплата повышенной пенсии.
4. Натуральные льготы (оплата жилого помещения и коммунальных услуг в размере 50%, первоочередная установка телефона и компенсация расходов за его установку, бесплатный проезд в городском и пригородном автомобильном, электрическом, железнодорожном и водном транспорте общего пользования, а также компенсация 1 раз в год стоимости проезда по территории Российской Федерации на междугородном транспорте, изготовление и ремонт зубных протезов, льготное санаторно-курортное лечение).

Однако предложенный комплекс мер, дающий на первый взгляд возможность социально поддержать жертв, в реальности дал им унижительно мало.

Например, на момент принятия Закона единовременная компенсация составляла "три четверти установленного законом минимального размера оплаты труда за каждый месяц лишения свободы", а в 2000 г. вообще зафиксирована на уровне 75 рублей (меньше 2 евро). Это значит, что бывший заключенный за 10 лет колымских лагерей одноразово получает компенсацию в размере 220 евро!

Компенсация же за утрату жилища, будь то конфискованная квартира в Москве или дом в деревне, не может превышать 10.000 рублей (250 евро!).

В начале 2000-х, когда благодаря повышению цен на нефть Российское государство становится богаче и, казалось бы, возникла возможность оказать жертвам адекватную поддержку, власть приняла решение о монетизации льгот. Забыв при этом, что в 1991 году при принятии Закона о реабилитации, фактически предоставила жертвам не льготы, а пролонгированную компенсацию в виде регулярных льгот.

Проведенная в 2005 году монетизация льгот полностью изменила основания для социального обеспечения жертв - вместо льгот реабилитированные жертвы получают ежемесячные денежные выплаты (ЕДВ), финансирование выплат обеспечивает не федеральный бюджет, а региональные бюджеты субъектов федерации.

В правовом смысле ситуация стала абсурдной по крайней мере по двум основаниям:

1. В каждом субъекте федерации в зависимости от наполняемости регионального бюджета и от отношения депутатов законодательного собрания данного субъекта федерации к проблеме реабилитации жертв, были установлены разные суммы ежемесячных выплат

В следствие такой ситуации узники с одинаковой судьбой, имеющие одинаковый статус, но живущие в Якутии получают 3.330 рублей (83,25 евро), а в Новосибирске 156 рублей (3,9 евро) в месяц все¹⁵.

¹⁵ Из Доклада Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, 2011.

2. Многие реабилитированных в силу возраста и перенесенных лишений по медицинским показаниям являются инвалидами. После 2005 г. эти люди были поставлены перед необходимостью абсурдного выбора. Кто они - реабилитированные жертвы политических репрессий или инвалиды?

Дело в том, что инвалиды в зависимости от группы инвалидности ежемесячно получают из федерального бюджета 1.620-2.830 рублей (40,5-70,5 евро). На общем уровне это неплохая и главное стабильная ежемесячная поддержка.

С правовой точки зрения инвалиды-жертвы политических репрессий должны получать социальную поддержку по двум основаниям, тем более, что прецедент такой в России есть - ликвидаторы аварии на Чернобыльской АС получают поддержку именно так.

Тем не менее, социальные службы России не признают права реабилитированных получать двойную поддержку и фактически требуют для получения статуса инвалида отказываться от статуса реабилитированного.

Как сказала одной из активисток Мемориала Маргарита Анисимова¹⁶ - "они требуют, чтобы я признала, что я инвалид и отказалась от статуса жертвы политических репрессий. Никогда я этого не сделаю, даже если инвалидам будут платить в десять раз больше. Отказаться от статуса жертвы означает отказаться от реабилитации моих расстрелянных родителей".

Необходимые изменения в Законе о реабилитации

Между тем необходимы следующие серьезные изменения в Закон о реабилитации жертв политических репрессий:

Первое. Необходимо расширить круг лиц, подлежащих реабилитации.

В 1990-1991 гг., когда Закон готовился, некоторые из видов репрессий не были прописаны в Законе впрямую. Это породило сомнения у проводивших реабилитацию прокуроров по поводу отдельных категорий жертв. Сомнения чаще всего решались ими в пользу отказа в реабилитации. Так случилось, например, с «лишенцами»¹⁷ - людьми, лишёнными избирательных прав в 1918-1936 гг. Численность этой категории была высока – не менее 4 миллионов человек. В нее входили и дореволюционные чиновники, и купцы, и бывшее духовенство, и мелкие ремесленники и многие другие. Лишение избирательных прав в первые десятилетия после революции в реальной жизни влекло за собой многие последствия – неприятие в высшие учебные заведения, на многие места службы и т.д.

¹⁶ точную справку по родителям

¹⁷ Лишенец — неофициальное название гражданина СССР или союзных республик, в 1918-1936 гг. лишённого избирательных прав согласно Конституциям РСФСР 1918 и 1925 годов. По итогам Всесоюзной переписи 1926 года население в СССР составляло 147 027 915 человек. Лишённых права голоса в стране было 1 040 894 человека (1,63 % от общего количества избирателей). 43,3 % из них составляли торговцы и посредники. Затем следовали священнослужители и монахи — 15,2 %; живущие на нетрудовые доходы — 13,8 %; бывшие царские офицеры и другие чины — 9 %. Совершеннолетние (свыше 18 лет) члены семей лишенцев также не имели права голоса. Таковых было 6,4 %.

В 1927 году не имели права голоса уже 3 038 739 человек (4,27 % избирателей). К этому времени среди лишенцев сократилось количество торговцев (до 24,8 %) и священнослужителей (до 8,3 %), но возросло число членов семей пораженных в правах — до 38,5 %.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928-29.

Подробнее о судьбе лишенцев см. Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). – Новосибирск, НГУ, 1998.

В Законе к числу подлежащих реабилитации отнесены не только арестованные или прямые жертвы административных репрессий, но и лица, подвергнутые «иным ограничениям прав и свобод».

Прокуроры же отказываются считать «лишенцев» жертвами репрессий, основываясь на том, что эта категория в Законе прямо не названа.

Практически никого из «лишенцев» уже нет в живых, но для многих потомков факт реабилитации их родных кажется важным. Для нас же реабилитация этих людей важна не только как факт восстановления исторической справедливости, но и как утверждение одного из незыблемых принципов Права.

Существует еще несколько категорий (не таких многочисленных) жертв, которые должны быть прямо перечислены в Законе.

Второе. В Закон необходимо ввести норму, которая позволит произвести реабилитацию в ситуации, когда уголовное (следственное) дело утеряно или уничтожено.

Существующий порядок предполагает наличие дела для его пересмотра. В ряде случаев этот вопрос принципиально важен. Так, например, именно на отсутствие дела ссылаются прокуроры, отказываясь реабилитировать жертв массового расстрела польских граждан в 1940 г. («Катынь» и другие места).

Но таких дел на расстрелянных поляков нет в природе – дела были сознательно (с целью сокрытия следов преступления) уничтожены в конце 1950-х гг.

При этом существует много других (кроме следственных дел) документов, которые позволяют назвать имена погибших и доказывают, что «Катынское преступление» совершено по указанию высшего советского руководства. Эти документы и должны быть рассмотрены на предмет реабилитации жертв.

Третье.

В статье Закона, где перечислены исключения (т.е. лица, хотя и осужденные, но реабилитации не подлежащие) названы те, кто совершил «преступления против правосудия». В преамбуле к этой статье указано, что основанием к отказу в реабилитации должны быть доказательства, содержащиеся «в делах» таких лиц.

Практически эта категория представлена только сотрудниками органов ОГПУ-НКВД-МГБ. Многие из них действительно были репрессированы. В советскую эпоху многие были реабилитированы, но наиболее одиозным фигурам в реабилитации было отказано. В основном отказывали в реабилитации региональным начальникам - председателям внесудебных органов («троек») 1937-1938 гг., руководителям отделов центрального аппарата ОГПУ-НКВД, следователям по громким делам, ставшими известными в хрущевскую эпоху.

Закон о реабилитации 1991 г. родил новые практики. Очень часто в следственных делах таких людей не было никаких указаний на то, что они совершали преступления против правосудия. Осуждены они были по вымышленным обвинениям в шпионаже или заговоре против советской власти. Основываясь *на букве закона* прокуроры 1990-х — 2000-х стали их реабилитировать. В том числе и тех, которым раньше – в 1960-1980-е гг. в реабилитации было отказано.

Таким образом были реабилитированы Д.Дмитриев, под руководством которого в Свердловской области были расстреляны многие тысячи граждан, В.Агас, следователь по делу маршала Тухачевского, известный постоянным применением пыток, Д.Апресян, руководитель «Большого террора» 1937-1938 гг. в Узбекистане, Я.Агранов – один из главных руководителей террора против интеллигенции в 20-е-30-е гг. и многие другие.

Необходимо откорректировать статью Закона и указать, что когда речь идет о сотрудниках госбезопасности, внутренних дел, судебно-прокурорской системы требуется

тщательно проверять не только следственные дела, но и проводить специальные проверки их деятельности по дополнительным архивным материалам.

При реабилитации крупных партийных работников, о которых есть сведения об их участии в терроре, также надо поднимать дополнительные архивные материалы.

Четвертое. Необходимо изменить норму Закона, касающуюся реабилитации жертв административных репрессий (этим занимаются органы МВД). Вместо реабилитации по отдельным заявлениям, должен быть произведен сплошной пересмотр дел. Иначе миллионы жертв так и останутся нереабилитированными.

Пятое. В Законе практически не решаются проблемы увековечения памяти жертв. Сказано только о составлении «списков реабилитированных лиц». При этом не указано, кто и как должен их составлять, кто – публиковать. «Списки» давно трансформировались в «Книги памяти», которые готовятся и издаются в большинстве регионов по инициативе самых разных организаций – общественных и государственных. Делается это без всяких единых принципов. А в целом ряде регионов эта работа вообще не ведется. Отсутствует в законе задача создания музейно-мемориальных комплексов, посвященных жертвам, поиска и мемориализации мест массовых захоронений жертв, установки памятников и памятных знаков. Полагаем, что в Закон должна быть введена специальная глава, посвященная увековечению памяти жертв.

Шестое. Российский закон о реабилитации не вполне сочетается с такими же законами соседних с Россией стран – бывших республик в составе СССР. Не только отдельных людей, но и целые категории жертв оказывается невозможным реабилитировать из-за противоречий и лакун в законах. Для решения этих проблем необходимо ввести в российский закон небольшие коррективы. Кроме того между заинтересованными в процессе реабилитации странами должны быть заключены специальные соглашения.

Примеров необходимых дополнений и уточнений к Закону мы можем привести множество. За 20 лет функционирования Закона о реабилитации его сильные и слабые места уже в полной мере проявились. К сожалению, депутаты российского парламента всякий раз отодвигают в сторону практически любые поправки к Закону – тема репрессий явно не находит у них отклика.

Итоги реабилитации по Закону от 18 октября 1991 г.

В 1992 г., сразу после принятия Закона, по всей стране в органах Прокуратуры и МВД были сформированы специальные группы. Они активно работали в течение 1990-х гг., затем поток реабилитируемых ослаб, в середине 2000-х гг. (в некоторых регионах – раньше) эти группы были расформированы.

В 1992-2010 гг. было реабилитировано:

- 800-805 тысяч человек - органами прокуратуры (в том числе органами военной прокуратуры);
- около 280 тысяч детей жертв репрессий - в связи с изменениями в Законе о реабилитации в 2000-е гг. органами прокуратуры дети были признаны жертвами политических репрессий;
- более 2 миллионов 940 тысяч человек - органами МВД реабилитировано по административным репрессиям.

Сегодня реабилитация по делам органов госбезопасности («по индивидуальным обвинениям») считается в России практически завершенной. Многие с этим утверждением не согласны. В частности, по мнению «Мемориала», должны быть заново пересмотрены многие дела, по которым получены отказы в реабилитации – особенно это касается времен Гражданской и Великой Отечественной войн.

Должна быть продолжена реабилитация репрессированных в административном порядке – она пока что очень далека от завершения.

Наконец, для того, чтобы общество смогло реально оценить итоги реабилитации, обществу недостаточно общих цифр, которые периодически, по разным случайным поводам, называют МВД, ФСБ, Прокуратура. Эти ведомства должны передать имеющиеся в их распоряжении персональные сведения о реабилитированных жертвах репрессий в единую общегосударственную базу данных. Для того, чтобы они это сделали, надо сначала добиться от федеральной власти, чтобы она провозгласила своей задачей создание такой базы.

В России есть удачный опыт создания общегосударственной базы данных на жертв Великой Отечественной войны. Добиться государственного решения о создании базы, куда будут включены имена всех жертв политических репрессий, пока не удается. Хотя общество (в том числе и «Мемориал») уже много лет этого требуют.

В идеале такая база должна включать данные не только из российских архивов, но и из архивов стран- бывших советских республиках. В этих странах (к сожалению, не во всех) также в течение уже многих лет идет процесс реабилитации жертв. Но результаты его нам неизвестны. Поэтому ответить на вопрос, какая часть из общего количества жертв советских репрессий на сегодняшний день реабилитирована, пока не представляется возможным.

По данным Министерства труда РФ на начало 2013 года людей, имеющих статус жертв в соответствии с Законом о реабилитации сегодня 776.667 человек. За последние два года по тем же официальным данным число их сократилось на 230 тысяч и продолжает стремительно уменьшаться¹⁸.

Увы, до сих пор Закон о реабилитации это единственный закон, посвященный прошлому. В нем идет речь о восстановлении в правах огромного числа пострадавших от государства людей, которые сегодня в большинстве своем стары, одиноки и серьезно больны .

Но этот первый и важный шаг на пути оценки советского режима, так и остался единственным. Поскольку власть относится к истории инструментально, то она в зависимости от своих интересов иногда вспоминает о жертвах, в основном же предпочитает о них не говорить. И поэтому жертвы политических репрессий, по-прежнему, остаются между сочувствием и равнодушием со стороны государства и общества

¹⁸

Ю.Кантор "Живые и мертвые". Российская газета, Федеральный выпуск №6088 (112), 28.05.2013